

DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco686297>

EDN: RZSDPJ

Взаимосвязь субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте

В.Б. Никишина¹, Е.А. Петраш¹, А.А. Лисичкина¹, И.А. Кучерявенко²¹ Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия;² Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

АННОТАЦИЯ

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, увеличением доли населения пожилого и старческого возраста в структуре общества практически во всех странах мира, с другой стороны — увеличением количества преступлений в отношении людей пожилого возраста, особенно в сфере мошенничества с использованием телефонной коммуникации.

Цель. Изучение взаимосвязи субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте.

Методы. Исследование осуществлялось на базе Российского геронтологического научно-клинического центра в три этапа: изучение способности фактического распознавания обмана; изучение субъективной оценки доверчивости; оценка взаимосвязи показателей распознавания обмана и субъективного показателя доверчивости. Объём выборки составил 60 человек: 36 человек пожилого (60–75 лет) и 24 человека старческого (76–90 лет) возраста. Критериями включения в выборку являлись сохранённый нейрокогнитивный статус, отсутствие тяжёлых хронических соматических и психических заболеваний, сохранность функционирования анализаторных систем, отсутствие в анамнезе нарушений мозгового кровообращения. Использовали следующие методы исследования: МоСа-тест; методика Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task в адаптации Н.И. Колесовой и Е.А. Сергиенко, методика Дембо–Рубинштейн, шкала субъективного ощущения одиночества Д. Расселла, Л. Пепло, М. Фергюсона. Количественную оценку проводили с использованием методов описательной, сравнительной, корреляционной и многомерной статистики.

Результаты. В результате оценки взаимосвязи уровня субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте статистически значимых взаимосвязей не выявлено. Однако процедура факторизации показала, что около 40% испытуемых заблуждаются относительно своей способности распознавать обман вне зависимости от фактического уровня распознавания обмана.

Заключение. Лица пожилого и старческого возраста характеризуются схожим уровнем способности к распознаванию обмана. Низкий уровень распознавания обмана указанными возрастными группами обусловлен повышенной доверчивостью и невысокой субъективной оценкой собственных умственных способностей.

Ключевые слова: распознавание обмана; пожилой возраст; старческий возраст; доверчивость; обман.

Как цитировать:

Никишина В.Б., Петраш Е.А., Лисичкина А.А., Кучерявенко И.А. Взаимосвязь субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте // Экология человека. 2025. Т. 32, № 10. С. 745–755. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco686297> EDN: RZSDPJ

DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco686297>

EDN: RZSDPJ

Association Between Subjective Credulity Assessment and Judging Deception in Older Adults

Vera B. Nikishina¹, Ekaterina A. Petrash¹, Alyona A. Lisichkina¹, Igor A. Kucheryavenko²¹ Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia;² Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

ABSTRACT

BACKGROUND: The work is relevant, given the increasing proportion of older adults worldwide, as well as the growing rates of crimes against older people, notably phone fraud.

AIM: The work aimed to assess the association between subjective credulity assessment and judging deception in older adults.

METHODS: The study was conducted at the Russian Research and Clinical Center for Gerontology. It included three stages: assessing the actual ability to detect deception; subjective credulity assessment; and assessing the association between judging deception and subjective credulity. The study included 60 older participants (60–75 years, $n = 36$; 76–90 years, $n = 24$). Inclusion criteria were as follows: preserved neurocognitive function; absence of severe chronic medical conditions and mental disorders; preserved analytical capability; and no history of cerebrovascular accidents. The following assessment tools were used: Montreal Cognitive Assessment (MoCA); Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task (modified by Kolesova and Sergienko); Dembo–Rubinstein test; and UCLA Loneliness Scale (by Russell, Peplau, and Ferguson). Descriptive, comparative, correlation, and multivariate statistics were used for quantitative assessment.

RESULTS: No significant relationships were found when examining the association between subjective credulity assessment and judging deception in older adults. However, following factorization, approximately 40% of participants were found to misjudge their ability to detect deception, irrespective of the actual accuracy of deception judgments.

CONCLUSION: The two groups of older adults (60–75 years and 76–90 years) showed comparable ability to detect deception. Low ability to detect deception in these age groups is related to increased credulity and low subjective assessment of own mental capacity.

Keywords: judging deception; older age; senile age; credulity; deception.

To cite this article:

Nikishina VB, Petrash EA, Lisichkina AA, Kucheryavenko IA. Association Between Subjective Credulity Assessment and Judging Deception in Older Adults. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*. 2025;32(10):745–755. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco686297> EDN: RZSDPJ

Received: 28.06.2025

Accepted: 03.10.2025

Published online: 27.10.2025

DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco686297>

EDN: RZSDPJ

老年期与高龄期人群主观轻信性自评与欺骗识别能力之间的关系

Vera B. Nikishina¹, Ekaterina A. Petrash¹, Alyona A. Lisichkina¹, Igor A. Kucheryavenko²¹ Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia;² Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

摘要

论证。研究的现实意义在于：一方面，全球多数国家社会人口结构中老年期与高龄期人群比例持续上升；另一方面，针对该人群的犯罪数量亦逐年增加，尤其是基于电话通讯的诈骗行为。

目的。探讨老年期与高龄期个体主观轻信性自评与欺骗识别能力之间的关系。

方法。研究在Russian Clinical and Research Center of Gerontology开展，共分三个阶段：评估实际欺骗识别能力；评估主观轻信性自评；分析两者之间的关联。样本共60名受试者：老年期36人（60 – 75岁），高龄期24人（76 – 90岁）。纳入标准包括：认知状态完整、无严重慢性躯体与精神疾病、感觉系统功能保留、无脑血流障碍病史。采用MoCA测试、Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task (Kolesova和Sergienko改编版)、Dembo-Rubinstein方法及Russell、Peplau、Ferguson主观孤独感量表。定量评估采用描述性、比较性、相关性及多变量统计方法。

结果。在对老年与高龄人群主观轻信程度与欺骗识别能力之间关系进行评估后，未发现统计学显著关联。然而因素分析显示，约40%的受试者对自身欺骗识别能力存在错误判断，与其实际识别水平无关。

结论。老年期与高龄期人群在欺骗识别能力上表现接近。该年龄阶段欺骗识别能力较低与较高的轻信倾向以及对自身认知能力较低的主观评价相关。

关键词：欺骗识别；老年期；高龄期；轻信；欺骗。

引用本文：

Nikishina VB, Petrash EA, Lisichkina AA, Kucheryavenko IA. 老年期与高龄期人群主观轻信性自评与欺骗识别能力之间的关系. *Ekologiya cheloveka (Human Ecology)*. 2025;32(10):745–755. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco686297> EDN: RZSDPJ

收到: 8.06.2025

接受: 03.10.2025

发布日期: 27.10.2025

ОБОСНОВАНИЕ

В XXI в. происходит увеличение доли населения пожилого и старческого возраста в структуре общества практически во всех странах мира. Если XX в. был ознаменован ростом численности населения, то XXI называют веком старения населения Земли¹. По данным доклада Организации Объединенных Наций от 2022 г. «Мировые демографические перспективы», количество людей возрастной группы 65 лет и старше растёт быстрее по сравнению с другими. Согласно прогнозам, к 2050 г. число людей указанной возрастной группы во всём мире будет превышать в два раза число детей до пятилетнего возраста и будет почти равным количеству детей в возрасте до 12 лет. При рассмотрении динамики старения становится видна новая возрастная группа — люди 80 лет и старше. В 2022 г. их доля составила 2%, в 2050 г. прогнозируется около 5%, а к концу XXI в. — около 10% [1].

В последние годы увеличивается количество преступлений в отношении людей пожилого возраста, особенно в сфере мошенничества. По данным МВД России, в 2021 г. около 20% потерпевших в делах о мошенничестве были старше 60 лет², при этом доля таких преступлений в общей структуре правонарушений возросла (2024 г. — 23,4% в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. — 21,6%). Значительная часть таких преступлений осуществляется посредством телефонной коммуникации.

Важно отметить, что сенсорные функциональные системы исследуемой возрастной группы формировались вне условий технического воздействия и средств опосредования коммуникации, а именно мобильных устройств, мессенджеров, что, в свою очередь, приводит к затруднениям процесса коммуникации, опосредованного техническими средствами в части высокого уровня доверия.

Закономерные онтогенетические изменения, в том числе и когнитивных функций (таких как память, внимание, гнозис), которые на этапах пожилого и старческого возраста меняют свои характеристики, структуру и механизмы, приводят к большей манипулятивной доступности и, как следствие, снижают на этих основаниях способность к распознаванию обмана.

Распознавание обмана — сложный процесс, требующий способности понимать и интерпретировать собственное психическое состояние и психическое состояние другого человека.

В качестве методологического основания нашего исследования выступают положения теории о модели

психического состояния (Theory of mind), разработанной Д. Примаком и Г. Вудраффом [2]. Модель психического возникла в рамках когнитивной психологии и представляет собой идею способности человека понимать, интерпретировать, предсказывать поведение других людей на основании их внешних проявлений, мыслей, поведения.

Положения данной теории позволяют соединить понятия психики и ментальной репрезентации, а также семантически обозначить и продемонстрировать их связь с объективным миром. Термин «репрезентация» обозначает внутренние структуры, формирующие представленность, отображение для себя. Понятие ментальных репрезентаций становится центральным не только для когнитивной психологии, но и для психофизиологии, психолингвистики [3].

Авторы Theory of mind в модели психического предположили различать два структурных компонента. Когнитивный («холодный») компонент включает в себя когнитивную обработку мыслей, убеждений, намерений других людей, понимание небуквальных высказываний. Внутри когнитивного компонента различают репрезентации первого и второго порядка. Репрезентации первого порядка представляют собой репрезентацию собственных мыслей индивида, появляющихся путём формирования своей точки зрения («я думаю, что она считает, что...»). Таким образом, мы имеем способность понимать, что другие обладают сознанием, восприятием, отличным от нашего. Репрезентации второго порядка являются более сложными конструкциями глубинных представлений о себе и предполагают принятие одновременно двух точек зрения («он думает, что она думает, что...»), дают нам возможность думать о прошлом, будущем, о том, что не существует, отражать объекты не только в реальности, но и то, какими они могли бы быть, и, что наиболее важно, строить причинные гипотезы. При этом в первую очередь в онтогенезе развиваются репрезентации первого порядка.

Эмоциональный («горячий») компонент модели психического включает в себя понимание чувств, эмоций, аффективных состояний других людей. Следует провести дифференциацию между схожими на первый взгляд понятиями «эмпатия» и «эмоциональный компонент». Эмпатия подразумевает под собой способность к ощущению и переживанию эмоций, чувств другого человека, при этом не обязательно включает понимание причины, вызвавшей их. В то время как эмоциональный компонент предполагает способность принять точку зрения другого («встать на его место») с истинным пониманием его психического состояния без необходимости сопереживания его эмоциям и чувствам.

Модель психического Д. Примака и Г. Вудраффа позволяет рассмотреть когнитивные и эмоциональные составляющие способности к распознаванию обмана и доверчивости. Доверчивость может пониматься как приписывание большей авторитетности чужой репрезентации в сравнении с собственной. Способность понимать обман

¹ United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022: Summary of Results. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/pd/> Дата обращения: 17.04.2025.

² Информационно-правовой портал Гарант.ру. Справочно-правовая система, 1990. Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1654594/> Дата обращения: 15.04.2025.

основана в первую очередь на допущении, что другие не только могут, но и хотят ввести в заблуждение собеседника.

Распознавание обмана представляет собой сложный процесс, требующий способности понимать и интерпретировать собственное психическое состояние и психическое состояние другого человека. Оно зависит от многих факторов, в том числе от онтогенетически закономерных изменений когнитивных функций, социально-психологических факторов (сужение круга социальных контактов и социального окружения, приводящих к чувству одиночества), а также изменения уровня доверчивости к другим людям. Уровень доверчивости, в свою очередь, определяется, с одной стороны, реализацией потребностей в социальном взаимодействии, с другой — «пониманием» других людей, которое лежит в основе способности к распознаванию обмана).

Изучение распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте, а также факторов, которые с ним взаимосвязаны, является актуальным и необходимым для выявления лиц, составляющих группу риска, максимально подверженных (уязвимых) мошенническим действиям.

Цель исследования. Изучение взаимосвязи субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте.

МЕТОДЫ

Общий объём исследовательской выборки составил 60 респондентов: 36 человек (26 женщин и 10 мужчин) пожилого (60–75 лет) возраста, 24 (15 женщин и 9 мужчин) — старческого (76–90 лет). Базой исследования выступил Российский геронтологический научно-клинический центр ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Москва). Все испытуемые имели близких родственников (детей, внуков, супругов, братьев/сестёр), то есть не являлись одиночками, проживали либо отдельно, либо совместно с родственниками. Все участники исследования предварительно добровольно подписали форму информированного согласия, утверждённую в составе протокола исследования этическим комитетом (этическая комиссия Института клинической психологии и социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России, выписка из протокола № 17 от 23.10.2023). Исследование проводилось в период с 01.02.2025 по 15.05.2025. Критерием включения испытуемых в выборку являлся сохранённый нейрокогнитивный статус, который оценивали с использованием Монреальской шкалы оценки когнитивных функций — МоСА-тест [4]. В соответствии с критериями включения и исключения в исследовании принимали участие респонденты пожилого и старческого возраста, не имеющие тяжёлых хронических соматических, психических заболеваний и нарушений мозгового кровообращения в анамнезе, обладающие сохранёнными аналитическими системами и показателями

оценки состояния когнитивных функций по шкале МоСА не менее 26 баллов.

Представляемое исследование по типу соответствует поперечному (одномоментному).

Организация исследования включала в себя три этапа. На первом этапе решалась задача изучения распознавания обмана с использованием методики Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task [5] в адаптации Н.И. Колесовой и Е.А. Сергиенко [3], позволяющей оценить фактический уровень способности распознавания обмана. Методика состоит из 10 рассказов двух типов — включающих обман или иронию. Общий объём каждого рассказа составляет примерно 250 слов. В представляемом исследовании методика была сокращена до шести историй из-за нейродинамических особенностей исследуемой возрастной группы. В каждой истории содержится 6 вопросов (пример представлен на рис. 1), типы вопросов представлены в табл. 1. Верный ответ приравнивается к одному баллу, таким образом, максимальный возможный балл в данной методике равен 36.

Каждая история описывает какое-либо событие, что позволяет рассмотреть специфику построенной когнитивной модели. Данная методика адаптирована с учётом возрастной группы, а также культурных особенностей, чтобы истории находили эмоциональный отклик среди людей пожилого возраста.

Стандартная инструкция сообщает, что респонденту будут представлены различные истории, описывающие проступки людей. В ходе прочтения истории будет предложено ответить на ряд вопросов.

В исследовании мы представляли каждую историю в нарративном формате, чтобы в наибольшей степени приблизить ситуацию исследования к обстоятельствам жизни, а именно ситуации, когда с пожилым человеком пытаются контактировать мошенники с помощью мобильных устройств. Изучение понимания обмана с использованием адаптированной методики Pragmatic Interpretation Short Stories Winner's Task позволяет оценить когнитивный компонент модели психического.

Задачей второго этапа являлась субъективная оценка доверчивости с использованием методики Дембо–Рубинштейн. В соответствии с задачей исследования была использована только одна стандартная шкала — «ум», к которой были добавлены шкалы «доверчивость» и «способность к распознаванию обмана». Добавочные шкалы выступали в качестве маркёров субъективной оценки уровня доверчивости испытуемых и способности идентифицировать обман. Интерпретацию шкал субъективной самооценки изучаемых показателей на качественном уровне осуществляли в соответствии с диапазонами значений методики Дембо–Рубинштейн: 0,0–5,9 (0–59 мм) — низкая; 6,0–7,0 (60–69 мм) — средняя; 7,1–10,0 (71–100 мм) — высокая. Также на данном этапе оценивали субъективные ощущения одиночества, рассматриваемого в контексте представляемого исследования

во взаимосвязи с доверчивостью. В связи с этим использовали шкалу субъективного ощущения одиночества (UCLA Loneliness Scale), разработанную в 1978 г. Д. Расселлом, Л. Пепло, М. Фергюсоном.

Задачей третьего этапа являлось изучение взаимосвязи субъективной оценки доверчивости и способности

распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте с использованием коэффициента ранговой корреляции (r) Спирмена ($p < 0,05$).

Количественно результаты оценивали с использованием методов описательной статистики (среднее значение, стандартное отклонение, мода, медиана, минимальное

История 2

Анастасия испекла печенье для школьной ярмарки дочки и попросила своего мужа Андрея не есть ни одного, так как ему необходимо соблюдать строгую диету. Анастасия вышла на прогулку с собакой. В это время из школы вернулась их дочь Лиза. Андрей был голоден, он не смог сдержаться и, пока дочка мыла руки, стал есть печенье.

1. Съел ли Андрей печенье? Да/нет

В это время Анастасия вернулась домой, так как на улице оказалось холодно, и увидела, что Андрей ест печенье для ярмарки дочери.

2. Поняла ли Анастасия, что её супруг не сдержался и ел печенье? Да/нет

На кухне она рассерженно взглянула на мужа, державшего в одной руке половину печенья, и вышла. В это время на кухню зашла Лиза и спросила папу: «Зачем ты съел печенье для школьной ярмарки? Что нам скажет мама?»

3. Что ответил Андрей?

А) мама видела, но они были такие вкусные, что нам придется попросить её испечь ещё
В) мама не знает, что я их съел, а мы с тобой купим печенье в магазине завтра перед школой

4. Понимал ли Андрей, что сказанное им правда? Да/нет

Анастасия вернулась на кухню и спросила супруга, тяжело ли ему было сегодня придерживаться строгой диеты. Он ответил, что сегодня не съел ничего, что могло бы повредить его здоровью.

5. Когда Андрей дал такой ответ, думал ли он, что жена поверит ему? Да/нет

6. Когда Андрей ответил, что сегодня он не съел ничего, что могло бы повредить его здоровью, он:

А) соврал, чтобы не быть пойманным
Б) хотел отшутиться, чтобы скрыть свою неловкость и сгладить ситуацию

Рис. 1. Пример истории на распознавание обмана из теста прагматической интерпретации жизненных событий E. Winner с соавт. [5] в адаптации Н.И. Колесовой и Е.А. Сергиенко.

Fig. 1. Example of a story from the Pragmatic Interpretation Short Stories Winner’s Task [5] (modified by Kolesova and Sergienko).

Таблица 1. Типы вопросов в тесте оценки способности прагматической интерпретации жизненных обстоятельств

Table 1. Types of questions in the test for assessing the ability of pragmatic interpretation of life circumstances

1-й вопрос	Съел ли Андрей печенье?	Фактический вопрос. Задаётся, чтобы утвердиться, что респондент понимает сюжет, запоминает и сохраняет в памяти определённое количество информации, а также чтобы имел возможность понять в конце рассказа, что последнее утверждение героя рассказа ложно
2-й вопрос	Поняла ли Анастасия, что её супруг не сдержался и ел печенье?	Вопрос на понимание психического состояния первого порядка. Требует от респондента понимания психического состояния героя рассказа, а именно, знает ли он правду об обманном проступке другого персонажа
3-й вопрос	Что ответил Андрей?	Вопрос на понимание психического состояния второго порядка. Требует от респондента понимания репрезентации психического состояния множества людей одновременно — представления о знаниях героя рассказа относительно знаний обманутого персонажа
4-й вопрос	Понимал ли Андрей, что сказанное им правда?	Уточняющий вопрос второго порядка. Задаётся респонденту в случае неверного ответа на предыдущий вопрос, так как ответ может варьировать в зависимости от того, каким образом респондент характеризует персонажей, при этом понимание репрезентаций второго порядка может оставаться интактным. При верном ответе на данный вопрос предыдущий ответ засчитывается как верный
5-й вопрос	Когда Андрей дал такой ответ, думал ли он, что жена поверит ему?	Вопрос ожидания. Оценивает рассуждения испытуемого о понимании репрезентаций второго порядка у героя-лжеца после того, как он услышал историю целиком
6-й вопрос	Когда Андрей ответил, что сегодня он не съел ничего, что могло бы повредить его здоровью, он соврал, чтобы не быть пойманным, или хотел отшутиться, чтобы скрыть свою неловкость?	Вопрос на понимание обмана. Оценивает способность интегрировать всю информацию из истории и определить, различает ли испытуемый шуточные и обманчивые, заведомо ложные высказывания

и максимальные значения). Сравнительный анализ осуществляли с использованием критерия Колмогорова–Смирнова для оценки нормальности распределения исследуемых признаков, а также непараметрического критерия Манна–Уитни, так как распределение исследуемых признаков не соответствует нормальному. Взаимосвязи исследуемых параметров оценивали методами корреляционной (критерий ранговой корреляции Спирмена) и многомерной статистики (процедура факторного анализа с varimax-вращением). Статистический анализ проводили с использованием пакета прикладных программ Statistica 12.0 (ПВСО Software Inc., США) и языка программирования для статистической обработки данных R 4.22.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате изучения распознавания обмана с использованием модифицированной методики Pragmatic Interpretation Short Stories Winner’s Task в адаптации Н.И. Колесовой и Е.А. Сергиенко [3] было установлено отсутствие статистически значимых различий показателей распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте. Выявленный показатель соответствует среднему уровню распознавания обмана в обеих возрастных группах. Механизм распознавания обмана содержит в себе два

структурных взаимосвязанных элемента: распознавание иронии и распознавание обмана. Средние значения этих показателей в пожилом и старческом возрасте также не имеют значимых различий (рис. 2).

Для выявления различий в исследуемых возрастных группах применяли непараметрический *U*-критерий Манна–Уитни. Результаты сравнительного анализа показателей распознавания обмана и иронии в пожилом и старческом возрасте представлены в табл. 2.

При сравнительном анализе показателей распознавания обмана людьми в пожилом и старческом возрасте установлено отсутствие статистически значимых различий в данных возрастных группах. Полученные результаты дают основание для объединения исследуемых групп в общую выборку для дальнейшего количественного и качественного анализа взаимосвязи субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте.

При изучении субъективных оценок доверчивости, включающих показатели самооценки доверчивости, способности распознавания обмана, умственных способностей и одиночества, установлено, что средние значения субъективного и реального уровней способности распознавать обман среди пожилых людей и людей старческого возраста соответствуют высокому уровню. Также высокий

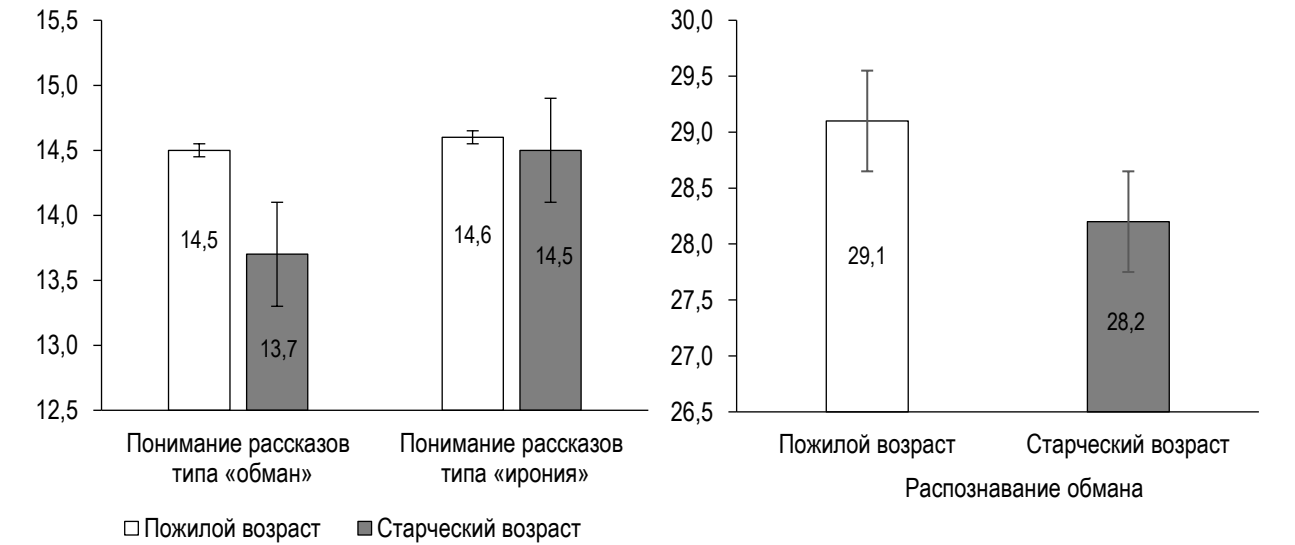

Рис. 2. Гистограмма средних значений показателей обмана и иронии и показателей распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте.
Fig. 2. Histogram of mean lie and ironic joke parameters and deception judgment parameters in older age.

Таблица 2. Анализ различий показателей распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте при помощи критерия Манна–Уитни
Table 2. Differences in judging deception in older age using the Mann–Whitney test

Исследуемые показатели	Медиана		U-критерий Манна–Уитни	p-уровень
	Пожилый возраст	Старческий возраст		
Общий уровень распознавания обмана	28	28	286,0	0,725
Распознавание обмана	14,5	13,5	306,5	0,985
Распознавание иронии	14,5	14,5	263,0	0,437

Примечание. *p* — уровень значимости для критерия Манна–Уитни.

уровень выявлен по такому показателю, как субъективная оценка доверчивости (табл. 3).

Выявлено, что для людей старческого и пожилого возрастов характерен средний уровень одиночества и субъективной оценки умственных способностей.

В ходе сравнительного анализа значимых различий исследуемых признаков у лиц старческого и пожилого возраста с разным уровнем способности к распознаванию обмана не выявлено.

В результате решения задачи изучения взаимосвязи уровня субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте при использовании процедуры корреляционного анализа (r -критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$) статистически значимых взаимосвязей не выявлено (табл. 4).

Однако выявлена прямо пропорциональная связь средней силы одиночества и возраста ($r=0,303$, $p < 0,05$).

Так как процедура корреляционного анализа не выявила статистически значимых взаимосвязей показателей уровня субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте, было принято решение о проведении факторного анализа с *varimax*-вращением. Данная процедура проводилась по группам респондентов, сформированным по критерию уровня фактического распознавания обмана: группа лиц пожилого и старческого возраста с высоким уровнем распознавания обмана; группа лиц

пожилого и старческого возраста с низким уровнем распознавания обмана.

В результате процедуры факторизации в обеих группах лиц пожилого и старческого возраста вне зависимости от уровня распознавания обмана было выделено по четыре фактора (рис. 3).

В группе лиц пожилого и старческого возраста с высоким уровнем распознавания обмана первый фактор с максимальной факторной нагрузкой включает в себя показатели субъективной оценки доверчивости и ощущение одиночества (0,537 и 0,496). Второй фактор представлен показателями субъективного (0,522) и объективного (–0,548) распознавания обмана. Содержание третьего фактора составили показатели распознавания обмана с субъективной оценкой доверчивости и умственных способностей. Четвёртый фактор содержательно представлен компонентами субъективной оценки распознавания обмана и ощущения одиночества.

В группе лиц пожилого и старческого возраста с низким уровнем распознавания обмана первый фактор с максимальной факторной нагрузкой включает в себя показатели субъективной оценки доверчивости (0,522), ощущение одиночества и распознавание обмана. Второй фактор представлен показателями субъективной оценки доверчивости и распознавания обмана. Содержание третьего фактора составили показатели субъективной оценки умственных способностей и субъективной оценки распознавания обмана. Четвёртый фактор содержательно

Таблица 3. Результаты анализа показателей субъективной оценки и уровня одиночества у людей в пожилом и старческом возрасте с применением первичных описательных статистик

Table 3. Subjective self-assessment and loneliness parameters in older age using primary descriptive statistics

Показатель	Среднее	Стандартное отклонение	Мода	Медиана	Минимум	Максимум
Субъективная оценка умственных способностей	6,97	1,54	7	7	4	10
Субъективная оценка доверчивости	7,03	2,55	8	8	0	10
Субъективная оценка способности распознавать обман	7,38	1,85	7	7,5	0	10
Одиночество	33,83	6,78	32	32	24	57

Таблица 4. Связь между способностью распознавать обман, одиночеством и возрастом

Table 4. Association between judging deception, loneliness, and age

Показатель	Корреляция	Возраст	Одиночество	Способность распознавать обман
Субъективная оценка способности распознавать обман	Коэффициент корреляции	–0,076	–0,072	–0,157
	Уровень значимости p	0,566	0,584	0,229
Субъективная оценка доверчивости	Коэффициент корреляции	–0,137	0,047	–0,126
	Уровень значимости p	0,296	0,719	0,337
Субъективная оценка умственных способностей	Коэффициент корреляции	0,038	–0,198	0,213
	Уровень значимости p	0,774	0,129	0,102
Способность распознавать обман	Коэффициент корреляции	–0,067	–0,216	1,000
	Уровень значимости p	0,613	0,098	—

Группа лиц пожилого и старческого возраста с высоким уровнем распознавания обмана		Группа лиц пожилого и старческого возраста с низким уровнем распознавания обмана	
Компонентный состав:			
Фактор 1	– субъективная оценка доверчивости (0,537) – ощущение одиночества (0,496)	Фактор 1	– субъективная оценка доверчивости (0,522) – распознавание обмана (0,414) – ощущение одиночества (0,436)
Фактор 2	– распознавание обмана (–0,548) – субъективная оценка распознавания обмана (0,522)	Фактор 2	– распознавание обмана (–0,488) – субъективная оценка доверчивости (0,544)
Фактор 3	– распознавание обмана (0,429) – субъективная оценка доверчивости (0,574) – субъективная оценка умственных способностей (–0,743)	Фактор 3	– субъективная оценка умственных способностей (–0,722) – субъективная оценка распознавания обмана (0,524)
Фактор 4	– ощущение одиночества (–0,545) – субъективная оценка распознавания обмана (0,780)	Фактор 4	– ощущение одиночества (–0,545) – субъективная оценка распознавания обмана (0,733)

Рис. 3. Факторная структура взаимосвязи показателей уровня субъективной оценки доверчивости и способности распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте с учётом уровня фактического распознавания обмана.

Fig. 3. Factorized association between subjective credulity assessment and judging deception in older age, considering the actual ability to detect deception.

представлен компонентами субъективной оценки распознавания обмана и ощущения одиночества.

Первый фактор, обозначенный как «я слишком одинок, чтобы не доверять людям», в группах лиц пожилого и старческого возраста с высоким и низким уровнем распознавания обмана содержит показатели субъективной оценки доверчивости и ощущения одиночества. Однако в группе лиц с низким распознаванием обмана, помимо указанных компонентов, в первый фактор входит ещё фактическое распознавание обмана. Полученные данные позволяют подтвердить выдвинутое ранее предположение о том, что низкий уровень распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте связан с высокой доверчивостью и ощущением одиночества.

Второй фактор («я хорошо разбираюсь в людях и понимаю, когда они врут») вне зависимости от уровня распознавания обмана лицами пожилого и старческого возраста включает фактический показатель распознавания обмана, однако в группе с высоким уровнем также в содержание данного фактора входит субъективная оценка распознавания обмана, но с противоположным знаком (что указывает на несоответствие субъективного и объективного уровней распознавания обмана); при низком уровне — субъективная оценка доверчивости, которая, как и в предыдущем факторе, препятствует распознаванию обмана. Высокая уверенность в своих способностях распознавать обман связана с низким уровнем его распознавания, то есть, если человек вполне хорошо распознает обман, он становится уверенным в своей способности и потому ошибается. При низком распознавании обмана человек считает себя доверчивым — и действительно ошибается («научен горьким опытом»).

Третий фактор, названный «я не такой умный, чтобы распознать обман», «все обманывают, я не могу это отследить», в обеих группах включает в себя показатель субъективной оценки умственных способностей. При высоком уровне распознавания обмана в содержание данного фактора также входят субъективная оценка доверчивости и собственно показатель распознавания обмана, в группе лиц пожилого и старческого возраста с низким уровнем распознавания обмана — субъективная оценка распознавания обмана. Придирчивость лиц пожилого и старческого возраста к оценке своих способностей (не доверяет себе, считает доверчивым) может обеспечивать «внимательность к обману и собственно к его распознаванию».

Четвёртый фактор, который можно обозначить как «я не одинок и разбираюсь в людях», в обеих группах лиц пожилого и старческого возраста вне зависимости от уровня распознавания обмана содержательно представлен компонентами субъективной оценки распознавания обмана и ощущения одиночества. Люди не считают себя одинокими, так как хорошо разбираются в людях и понимают, когда те врут.

ОБСУЖДЕНИЕ

Поведение других людей не полностью предсказуемо, поэтому успех взаимодействия с социальной средой коррелирует со способностью человека расшифровывать ментальные состояния и интенции других. Наличие возрастных изменений в когнитивном (распознавание обмана) и эмоциональном (одинокость, субъективная оценка доверчивости и способности распознавать обман)

компонентах модели психического приводит к снижению чувствительности детекции сигналов, которые предупреждали бы о вероятных негативных, опасных действиях со стороны других людей. Этот факт превращает пожилых людей в более уязвимую категорию населения, подвергая их риску стать жертвой социальной эксплуатации, мошенничества, обмана, что приводит к повышенному уровню стресса, эмпатическому дистрессу, трудностям устанавливать дружеские и семейные отношения [6].

В результате проведённого сравнительного анализа показателей распознавания обмана людьми в пожилом и старческом возрасте установлено отсутствие статистически значимых различий в данных возрастных группах, то есть люди пожилого и старческого возраста имеют схожую способность к распознаванию обмана.

Существует тенденция прямой связи уровня распознавания обмана, субъективной оценки доверчивости и обратной — субъективной оценки умственных способностей в пожилом и старческом возрасте. При этом для людей пожилого и старческого возраста с заниженной оценкой своих умственных способностей характерна повышенная доверчивость, что может приводить к социальной дезадаптации и избеганию социальных контактов.

Полученные данные об отсутствии статистически значимых различий распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте не согласуются с рядом зарубежных исследований, показывающих резкое снижение в распознавании обмана людьми старческого возраста в сравнении с пожилыми [7, 8]. В работах А.И. Мелёхина [6] подчёркивается, что люди исследуемых возрастных групп демонстрируют некритичную доверчивость, что согласуется с полученными нами результатами о том, что 40% лиц пожилого и старческого возраста, принимавших участие в исследовании, ошибаются относительно своей способности к распознаванию обмана.

Наблюдаемая тенденция обратной связи уровня одиночества и субъективной оценки понимания обмана в пожилом и старческом возрасте подчёркивает роль необходимости в социальном взаимодействии. При этом среди людей указанных возрастных периодов преобладает высокий и средний уровень субъективного одиночества.

Ошибкам распознавания обмана в старческом возрасте способствует избыточная уверенность в своём умении распознавать обман. Уверенность в субъективной оценке способности в распознавании обмана обеспечивается низким уровнем чувства одиночества («все люди братья»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распознавание обмана в пожилом и старческом возрасте не связано с возрастным периодом (о чём указывает отсутствие значимых различий между группами лиц пожилого и старческого возраста). Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий в способности распознавания обмана

в исследуемых возрастных периодах. Фактическая способность к распознаванию обмана не имеет взаимосвязи с субъективной оценкой способности распознавать обман, доверчивости и умственных способностей. В 40% случаев люди заблуждаются относительно своей способности распознавать обман. Профилактическая работа с пожилыми людьми с целью противодействия мошенническим действиям может строиться на снижении субъективной уверенности в умении распознавать обман (коммуникативные упражнения), поддержке критического мышления («каждый человек может ошибаться»), репрезентации своей доверчивости к посторонним людям как чрезмерной, требующей осторожности.

В качестве ограничений представленной работы следует отметить отсутствие сравнения результатов распознавания обмана в пожилом и старческом возрасте у мужчин и женщин. Данный аспект представляется перспективным для дальнейших исследований.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Вклад авторов. В.Б. Никишина — планирование исследования, анализ литературы, сбор, анализ, интерпретация данных, подготовка и редактирование финального варианта рукописи; Е.А. Петраш — планирование исследования, анализ литературы, сбор, анализ, интерпретация данных, подготовка текста рукописи; А.А. Лисичкина — планирование исследования, анализ литературы, сбор, анализ, интерпретация эмпирических данных, подготовка текста рукописи; И.А. Кучерявенко — планирование исследования, анализ литературы, сбор, анализ, интерпретация эмпирических данных, подготовка текста рукописи. Все авторы одобрили рукопись (версию для публикации), а также согласились нести ответственность за все аспекты работы, гарантируя надлежащее рассмотрение и решение вопросов, связанных с точностью и добросовестностью любой её части.

Этическая экспертиза. Проведение исследования одобрено локальным этическим комитетом Института клинической психологии и социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (протокол № 17 от 23.10.2023).

Согласие на публикацию. Все участники исследования добровольно подписали форму информированного согласия до включения в исследование.

Источники финансирования. Отсутствуют.

Раскрытие интересов. Авторы заявляют об отсутствии отношений, деятельности и интересов за последние три года, связанных с третьими лицами (коммерческими и некоммерческими), интересы которых могут быть затронуты содержанием статьи.

Оригинальность. При создании настоящей работы авторы не использовали ранее опубликованные сведения (текст, иллюстрации, данные).

Доступ к данным. Редакционная политика в отношении совместного использования данных к настоящей работе не применима, новые данные не собирали и не создавали.

Генеративный искусственный интеллект. При создании настоящей статьи технологии генеративного искусственного интеллекта не использовались.

Рассмотрение и рецензирование. Настоящая работа подана в журнал в инициативном порядке и рассмотрена по обычной процедуре. В рецензировании участвовали два внешних рецензента, член редакционной коллегии и научный редактор издания.

ADDITIONAL INFORMATION

Author contributions: V.B. Nikishina: methodology, investigation, formal analysis, writing—original draft, writing—review & editing; E.A. Petrash: methodology, investigation, formal analysis, writing—original draft; A.A. Lisichkina: methodology, investigation, formal analysis, writing—original draft; I.A. Kucheryavenko: methodology, investigation, formal analysis, writing—original draft. All the authors approved the version of the manuscript to be published and agreed to be accountable for all aspects of the work, ensuring that questions related to the accuracy or integrity of any part of the work are appropriately investigated and resolved.

Ethics approval: The study was approved by the local Ethics Committee of the Institute of Clinical Psychology and Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Minutes No. 17 of October 23, 2023). Consent for publication: All participants provided written informed consent prior to enrollment.

Funding sources: No funding.

Disclosure of interests: The authors have no relationships, activities, or interests for the last three years related to for-profit or not-for-profit third parties whose interests may be affected by the content of the article.

Statement of originality: No previously published material (text, images, or data) was used in this work.

Data availability statement: The editorial policy regarding data sharing does not apply to this work, as no new data was collected or created.

Generative AI: No generative artificial intelligence technologies were used to prepare this article.

Provenance and peer-review: This paper was submitted unsolicited and reviewed following the standard procedure. The peer review process involved two external reviewers, a member of the editorial board, and the in-house science editor.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ | REFERENCES

1. Kalabikhina IE, Kalmykova NM, Denisov BP, et al. *Demography: an electronic textbook*. Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; 2022. 560 p. (In Russ.)
URL: <https://books.econ.msu.ru/Demography/>
2. Premack D, Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? *Behavioral and Brain Sciences*. 1978;1(4):515–526.
doi: 10.1017/s0140525x00076512
3. Sergienko EA, Ulanova AY, Lebedeva EI. *Model of the mental: Structure and dynamics*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2020. 503 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9270-0420-1
4. Nasreddine ZS, Phillips NA, Bédirian V, et al. The montreal cognitive assessment, MoCA: a brief screening tool for mild cognitive impairment. *J Am Geriatr Soc*. 2005;53(4):695–699.
doi: 10.1111/j.1532-5415.2005.53221.x
5. Winner E, Leekam S, Brownell H, et al. Distinguishing lies from jokes: theory of mind deficits and discourse interpretation in right hemisphere brain-damaged patients. *Brain Lang*. 1998;62(1):89–106.
doi: 10.1006/brln.1997.1889
6. Melehin AI. Specificity of understanding of deception at presenile and senile age. *Psychology and Law*. 2019;9(4):187–210.
doi: 10.17759/psylaw.2019090414 EDN: KVQCSA
7. Bottiroli S, Cavallini E, Ceccato I, et al. Theory of mind in aging: comparing cognitive and affective components in the faux pas test. *Arch Gerontol Geriatr*. 2016;62:152–162. doi: 10.1016/j.archger.2015.09.009
8. Bernstein DM, Coolin A, Fischer AL, et al. False-belief reasoning from 3 to 92 years of age. *PLoS One*. 2017;12(9):e0185345.
doi: 10.1371/journal.pone.0185345

ОБ АВТОРАХ

* Лисичкина Алёна Алексеевна;

адрес: Россия, 117997, Москва, ул. Островитянова, д. 1;

ORCID: 0009-0000-8276-0940;

eLibrary SPIN: 1720-9044;

e-mail: liss_alyona@mail.ru

Никишина Вера Борисовна, д-р психол. наук, профессор;

ORCID: 0000-0003-2421-3652;

eLibrary SPIN: 6779-0519;

e-mail: nikishina_vb@rsmu.ru

Петраш Екатерина Анатольевна, д-р психол. наук, доцент;

ORCID: 0000-0002-3177-088X;

eLibrary SPIN: 2313-1089;

e-mail: petrash@mail.ru

Кучерявенко Игорь Анатольевич, канд. психол. наук, доцент;

ORCID: 0000-0002-0226-0389;

eLibrary SPIN: 9220-1544;

e-mail: kucheryavenko@bsuedu.ru

AUTHORS' INFO

* Alyona A. Lisichkina;

address: 1 Ostrovityanova st, Moscow, Russia, 117997;

ORCID: 0009-0000-8276-0940;

eLibrary SPIN: 1720-9044;

e-mail: liss_alyona@mail.ru

Vera B. Nikishina, Dr. Sci. (Psychology), Professor;

ORCID: 0000-0003-2421-3652;

eLibrary SPIN: 6779-0519;

e-mail: nikishina_vb@rsmu.ru

Ekaterina A. Petrash, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor;

ORCID: 0000-0002-3177-088X;

eLibrary SPIN: 2313-1089;

e-mail: petrash@mail.ru

Igor A. Kucheryavenko, Cand. Sci. (Psychology), Assistant Professor;

ORCID: 0000-0002-0226-0389;

eLibrary SPIN: 9220-1544;

e-mail: kucheryavenko@bsuedu.ru

* Автор, ответственный за переписку / Corresponding author